
Ольга Шалковская

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВЫЗОВОВ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИИ

Статья обращается к проблеме идентичности в социальной работе, формирование которой является одним из важнейших условий институционализации профессии, и отвечает на вопрос о том, какие факторы обуславливают формирование этой идентичности. За основу взят опыт стран с традициями социальной работы. К ключевым факторам формирования идентичности отнесены размытость области экспертизы социальной работы, пластичность ее знания, внутренняя противоречивость, присущая социальной работе – факторы, которые мешают созданию цельного образа профессии и ослабляют ее способность сформировать себя изнутри. Следующая группа факторов относится к тому обстоятельству, что социальная работа является социально конструируемой деятельностью: ее формат задается политическими и экономическими силами, а также общественными ожиданиями. Сюда отнесены постмодернистская ситуация и неолиберальный тренд – силы, затрагивающие ценностные и организационные основания профессии и ведущие к изменению ее сформированного за десятилетия образа. Относительно России, одним из ключевых факторов развития профессии является наличие артикулированных политических ценностей. Как и во многих других странах сегодня, социальная работа слаба и несамостоятельна в профессиональном плане в России. Статус социальных работников зависит от того, как они сами себя определяют. Принятые совсем недавно профессиональные стандарты, с одной стороны, показывают, что социальная работа движется в сторону профессионализации. С другой стороны, критерии, положенные в основу наименования квалификаций

Ольга Валентиновна Шалковская – MScI, социальный работник Городского ресурсного центра содействия семейному воспитанию, АНО «Центр «Про-мама», Москва, Россия. Электронная почта: magistressa@mail.ru

работы, указываются безосновательно, не базируются в рамках какой-либо единой системы профессиональных ценностей. Эта статья – попытка обозначить некоторые вопросы, на которые надо искать ответы. В первую очередь это необходимо самим социальным работникам, т.к. формирование идентичности в своей профессии является, прежде всего, нашей ответственностью.

Ключевые слова: социальная работа, идентичность, знание, неолиберализм, постмодернизм, политические ценности

Социальная работа в России, как это происходило ранее в некоторых других странах, переживает период профессионализации (становления себя как профессии) и институционализации. Интеллектуальным ориентиром в разговоре об этих процессах в рамках данной статьи является максимальное приближение к определению социальной работы Международной ассоциации социальных работников (Global definition... 2014). Понятия «профессионализация» и «институционализация» применяются здесь как равнозначные, поскольку обозначают тесно связанные процессы.

Несмотря на существующие сегодня отличия от зарубежной, отечественная социальная работа выросла на моделях мировой практики. Это дает основания обратиться к опыту стран с традициями социальной работы, чтобы указать на примеры потенциальных или уже происходящих с профессией метаморфоз, в том числе и в современной России. По мнению зарубежных исследователей (Wilson et al. 2011), ключевым фактором выживания профессии является формирование профессиональной идентичности в социальной работе. Именно этот элемент комплексного процесса институционализации профессии выделен для рассмотрения. В рамках дальнейшего рассуждения я отвечу с точки зрения практика на вопрос о том, какие факторы обуславливают формирование профессиональной идентичности в социальной работе.

Размытость области экспертизы социальной работы

Вопрос об области экспертизы социальной работы, сохранивший актуальность и сегодня, был поставлен Абрахамом Флекснером, когда профессия только появлялась (Flexner 2001 [1915]). Среди прочих признаков, которым должны соответствовать профессии, он назвал «абсолютно определенный и практический объект» (Flexner 2001: 155), что означает наличие у профессии предметного поля. Выделение уникальной области знания (и преобразование ее в социальный престиж) является одним из ключевых этапов профессионализации (Ярская-Смирнова 2014: 108). Наличие четко определенной области экспертизы способствует достижению статуса и автономии профессии (Payne 2012: 128).

Вопрос о предметном поле социальной работы многих представителей профессии может поставить в тупик. За последнее десятилетие официальное международное определение социальной работы пересматривалось как минимум дважды (2001, 2014) с 1982 г. (Hare 2004: 407). Более того, сформулированной дефиниции оказывается недостаточно, к ней прилагаются комментарии на нескольких листах (Global definition... 2014). В этом отражаются процессы распространения социальной работы в новые страны с их культурными особенностями, а также сложности определения ее границ как профессии и дисциплины.

Идут споры о том, есть ли в социальной работе ядро, или она представляет собой набор разрозненных практик. В этой дискуссии можно выделить два лагеря: сторонников социальной работы общего профиля (т.н. «джереналисты») и сторонников специализации. Есть те, кто считает социальную работу группой профессий – Европейский журнал социальной работы отсылает к «социальным профессиям» (Hare 2004: 410). Мир социальной работы представлен разношерстными наименованиями: социальные педагоги в Германии и Дании, специалисты по развитию сообществ в Великобритании, аниматоры в Голландии и Франции (Huegler et al. 2012: 6). В ряде стран специалисты именуются по названию клиентской группы: специалист по работе с пожилыми, детьми или семьями. Появляются наименования, которые, хотя и включают, но выходят за рамки границ «чистой» социальной работы: в системе кейс-менеджмента специалист может выполнять роль экономиста, отвечающего за рациональное планирование пакета услуг, или «снабженца», занимающегося контактами с провайдерами услуг, переговорами по контрактам, мониторингом выполнения контрактов и проверкой качества услуг (Orme, Glastonbury 1993).

Кроме того, функции социальных работников из привычного общественного (государственного) сектора все больше утекают в другие сектора экономики: частные и коммерческие организации; организации третьего сектора, в том числе волонтерские; неформальный сектор, например, группы самопомощи; социальные предприятия. В ответ на подобные тенденции предлагается различать профессиональную и популярную социальную работу (Huegler et al. 2012: 6). Все менее понятно, где начинаются и заканчиваются границы профессии. Задача их определения предполагает необходимость ответить на вопрос об условиях осуществления социальной работы.

Пластичность знания социальной работы

Вопрос об интеллектуальном капитале социальной работы встроен в более широкое обсуждение темы о знании социальных наук в целом. В контексте рассмотрения проблемы идентичности важно отметить две характеристики знания социальной работы: уникальность и междисциплинарность. Применяв терминологию Вильгельма Виндельбанда, теории

социальной работы можно отнести к идиографическим, изучающим единичные явления в их неповторимости, в противовес номотетическим, занимающимся выведением общих законов (Windelband 1998 [1894]). Социальная работа возникла вследствие неспособности усложнившегося общества справиться с социальными проблемами силами имеющихся на тот момент институтов. Предназначение ее знания состоит в его прикладном характере – необходимости решить социальную проблему (то, что социальные работники нередко сами вносят вклад в конструирование социальных проблем, не отменяет этой задачи). Социальные работники, независимо от того, с кем они работают – индивидом, группой или сообществом – каждый раз, погружаясь в уникальную ситуацию, формируют понимание проблемной ситуации и способа выхода из нее (Bisman, Hardcastle 1998). Если следовать этой логике, то получается, что сколько проблем, столько и знаний в социальной работе.

С отсутствием однозначного жесткого знания связана еще одна характеристика социальной работы: демократический способ выработки решения о выходе из проблемной ситуации. Найджел Партон и Патрик О'Берн уникальной особенностью социальной работы считают отказ социальных работников от формальности (официальности) своих ролей, поскольку это работа с людьми в их естественной среде, неформальные методы коммуникации в качестве инструмента ведения переговоров о решении проблем, при этом без конечных конкретных решений. По мнению авторов, последнее, что должна делать социальная работа – это давать «навязанные, формальные, готовые решения <...> и чем ближе она находится к подобной ситуации, тем дальше уходит от самой себя» (цит. по: Nyslop 2011: 414). С этой особенностью социальной работы связана легкая пропускная способность, когда «экспертом по проблеме» может считаться человек, столкнувшийся с проблемой и имеющий опыт ее разрешения (например, опытные приемные родители участвуют в тренинге потенциальных приемных родителей наравне с дипломированными психологами, занимая экспертную позицию).

Британские исследователи (Wilson et al. 2011: 50) замечают, что внутри профессионального сообщества существует амбивалентное отношение к перспективе профессионализации: далеко не все социальные работники согласны с тем, что нужно строить монолитную идентичность социальной работы, объясняя это страхом перед перспективой слишком дистанцироваться от своих клиентов с их житейскими проблемами.

Следующая характеристика социальной работы – междисциплинарность. Хотя некоторые представители профессии рассматривают социальную работу как науку и пытаются выстроить ее теоретический каркас, на сегодняшний день знание социальной работы представлено набором разных теорий и техник, не связанных в последовательную систему и часто противоречащих друг другу (Raune 1997). Для решения профессиональных

задач знание заимствуется из других наук (в основном социальных) подвергается интерпретации, и на этой основе производится вмешательство в жизнь людей (Horne 1999).

Сложность определения границ знания и практики, несомненно, является вызовом для специалистов, ищущих место для социальной работы в мире наук и профессий, так же, как и еще одна специфическая черта социальной работы – ее внутренняя противоречивость.

Внутренняя противоречивость профессии

Социальную работу часто описывают как неопределенную, рискованную, непредсказуемую, противоречивую, конфликтную, комплексную деятельность. Такая размытость структурирует роли социальных работников на протяжении всей истории профессии: они были одновременно участниками и наблюдателями, спасителями и блюстителями нравов. Это описание выявляет центральный в конструировании социальной работы и повторяющийся сквозь историю феномен: моральную категоризацию и регулирование «опасных элементов». В своей практике социальный работник («слуга двух господ») постоянно стоит на этической развилке «помощь – контроль».

Организационный аспект закрепляет эти противоречия. Базовые полюса, на которых располагаются социальные («помогающие») институты: социальная солидарность – помощь «своим» через институты заботы, распределения рисков, социальный акционизм и социальный контроль – сдерживание нежелательного поведения через превентивные институты и институты социальной поддержки (Pusic 1973). Под оберткой помогающего института нередко можно обнаружить начинку в виде регулирующих и контролирующих функций.

В вопросах контроля социальная работа также неоднозначна: она содержит в себе одновременно возможности и для освобождения человека, и для власти над ним.

Противоречия касаются также вопросов организации работы и используемых в ней подходов: в зависимости от того, с кем (индивидом или обществом) и на достижение каких результатов (изменение ситуации или ее сохранение) направлены усилия. В соответствии с этим выделяют четыре подхода: работа с индивидом на сохранение ситуации; работа с обществом на сохранение ситуации; работа с обществом на изменение; и работа с индивидом на изменение – модель Дэвида Хоуи (цит. по: Barnes, Hugman 2002; Wilson et al. 2011: 120). Теории и практики, соответствующие одному из четырех подходов, часто находятся в противоречии друг с другом. Это хорошо видно на примерах волонтерских инициатив в учреждениях для детей-сирот, когда помощь волонтеров конкретным детям допускалась администрацией, а попытки этих же волонтеров вынести в публичное поле проблемы

учреждений приводили к скандалу и исключению волонтеров. Такая реальность иллюстрирует конфликт между двумя подходами: индивидуализированной помощью и усилиями, направленными на системные изменения.

Таким образом, в силу своих внутренних характеристик социальная работа является профессией и дисциплиной, очень трудно поддающейся однозначному определению, что сильно тормозит процессы формирования профессиональной идентичности и, как следствие, институционализации профессии. Кроме обозначенных выше, на формирование идентичности влияет еще одна группа факторов – связанных с условиями, в которых существует социальная работа.

Социальная работа как социально конструируемая деятельность

Ключевым актором в процессе конструирования социальной работы являются группы влияния, которые указывают на социальные проблемы и выбирают способ реакции на них. Политика определения социальных проблем и выбора ответов на них задает логику внутри самой социальной работы, согласно которой конструируются ее службы, виды деятельности и знание. Выделяются четыре стадии этого процесса (Payne 1998: 448). На первом этапе проблема должна быть обозначена как социальная. Смещение акцента в понимании причинности преступности с социальных объяснений на факторы личной безответственности в Англии 1990-х гг. привело к изменению подходов работы служб пробации: вместо восстановительной практики преобладали авторитарные методы, что вытеснило социальную работу из области правосудия.

На втором этапе в качестве ответа на проблему должна быть выбрана реакция, социальная по своему характеру. Например, описывается эволюция подходов властей Африки к решению проблемы массовой миграции сельского населения в города (Payne 1998): колониальное правительство занималось работой со случаем, а социалистическое развивало сообщества. Последующие власти стали объяснять проблему экономическими причинами, что привело к отказу от социальной работы.

На третьем этапе из возможных ответов методом решения проблемы выбирается социальная работа. Выбор ее не всегда оказывается удачным, что демонстрирует пример организации помощи бедным семьям, не справляющимся с воспитанием детей, в 1950-х и 1960-х гг. в Великобритании и США. Большинство социальных проблем того времени делегировалось агентствам социальной работы, применяющим технологию работы со случаем. Метод показал неэффективность в решении подобного типа проблем, в практику пришли новые, ориентированные на достижимые цели, подходы. Если социальная работа признается неадекватным инструментом решения проблемы, поле ее деятельности сужается, или переориентируется.

На четвертом этапе социальная работа реализуется, и здесь важно наличие ресурсов для решения проблемы. Если они находятся в дефиците, происходит разочарование от социальной работы, либо, профессия находит возможности предложить ответы на проблемы – так рождаются новая методология, институты, концепции. Таким образом, процесс конструирования социальной работы состоит из постоянного (пере)определения социальных проблем и выбора ответа на них и зависит от групп влияния (политических, экономических, общественных).

Важнейшую роль в этом процессе играют социальный режим и политические ценности государства. Организационный и политический контекст предоставления социальной помощи в самом широком ее понимании (социальное обеспечение, социальная защита, индивидуализированные социальные услуги) называется социальным режимом. Госта Эспинг-Андерсен понимает под ним совокупность социальных, экономических и политических условий, задающих тон и формат организации всех видов социальной помощи (цит. по Payne 2012: 124). Классической в обсуждении социальных режимов является классификация Эспинг-Андерсена, согласно которой существует либеральный, социал-демократический и консервативный тип социального государства. В основе этой классификации лежит определение социального института (рынка, государства или семьи), отвечающего за обеспечение благосостояния населения, структуры и масштабов социальной помощи (Романов, Ярская-Смирнова 2011: 71).

Еще одной категорией, связанной с понятием социального режима и определяющей формат социальной политики и социальной работы, являются политические ценности (Payne 2012: 122). В странах с традиционной властью (например, Саудовская Аравия) создается социальный режим, стимулирующий людей адаптироваться к традиционному социальному порядку. Цель режима – социальный контроль, он реагирует на молодежную преступность, индивидуальные трудности, вытекающие из проблем бедности, болезни, инвалидность и старость. В странах с либеральным устройством (США, Сингапур, Южная Корея) государство видит свою задачу в создании условий для реализации человеческого потенциала, что, как предполагается, способствует экономическому процветанию. Цель – установление социального порядка для обеспечения стабильности и предсказуемости жизни. Социальная работа направлена на помощь в решении проблем и конфликтов на индивидуальном уровне и стимулировании способностей каждого вносить вклад в общество. В странах, избравших политической ценностью социализм с его принципом коллективизма (Восточная Европа 1950–1980-х гг.), в центре внимания стоит конфликт интересов между властными элитами и угнетенными массами. Социальный режим направлен на изменения. Государство регулирует конфликты интересов путем предоставления равного доступа к ресурсам. Индивидуальные социальные услуги в таких режимах не практикуются.

Страны, построенные на социал-демократических ценностях (большинство европейских стран), признавая индивидуальную свободу в условиях рынка лучшим способом достижения экономического благополучия, рассматривают государство как институт, обязанный ограничивать последствия крайнего индивидуализма. Цель режима – социальные реформы, направленные на решение социальных проблем и защиту личных и коллективных прав граждан, государство берет на себя ответственность за их благополучие, и социальная работа является частью государственного обеспечения.

Элементы разных политических ценностей присутствуют в каждой стране, при этом отдельные принципы являются главенствующими, что и определяет характер социального режима и социальной работы внутри него. На наш взгляд, один из важнейших вызовов институционализации профессии в России лежит в политико-идеологической плоскости и связан с вопросом о том, какие ценности находятся в основе общественно-политического устройства России, и как это определяет характер социальной работы. Внятная артикуляция политических ценностей, являющихся важнейшим ориентиром для развития социальной работы, требует дальнейшего изучения.

Неолиберализм и социальная работа

За рубежом неолиберальный поворот начался в 1980-х гг. Его влияние в социальной сфере выразилось в уменьшении расходов на социальное обеспечение; маркетизации поля социальных услуг, появлении так называемых квази-рынков; смешанной экономики заботы (*"mixed economy" of care*); приватизации многих государственных сервисов (Wilson et al. 2011; Payne 2012; Noble 2004). В социальную работу пришли процессы коммодификации. Теперь специалисты должны были демонстрировать и измерять результаты работы. Это особенно ударило по тем социальным работникам, которые взаимодействовали с людьми в ситуациях, где уже одно удержание человека на жизнеспособном уровне (например, при психическом заболевании) считалось успехом. Фокус был на том, «что работает» (*"what works" movement*), т.е. дает измеряемый результат, а ограниченные по времени интервенции стали синонимом эффективной практики (Wilson et al. 2011: 33). Требования отчетности, достижения «производительности», соответствия стандартам вынуждали некоторых менеджеров, стремящихся сохранить профессиональную социальную работу, «обманывать» систему, игнорируя инструкции.

Культура подотчетности общества аудита изменила понимание профессиональной ответственности. Теперь гарантом эффективной работы и этичного поведения стал отчет, а не личная ответственность работника перед собой, клиентом и профессией. Люди стали уходить из профессии. Исследование Эйлин Манро показало, что работники уходят не «куда»,

а «откуда» (цит. по Wilson et al. 2011: 41). Главными причинами увольнений назывались недостаток автономии, новые задачи, расцениваемые как навязанные и неадекватные, возросшие нагрузка и объем бумажной работы. Это вело к высокому уровню стресса, карьерным кризисам, снижению этической планки и тому, что единственным стимулом работать стало каждодневное выживание (Noble 2004: 295).

Акцент был сделан на управлении культурой организации вместо предоставления социальным работникам свободы в определении собственной профессиональной культуры (Payne 2012: 128). На менеджерские позиции пришли люди с общими навыками управления, часто не обладающие знаниями и компетенциями в социальной работе. Появились новые формы регулирования деятельности профессионалов. Так, в Англии профессиональное рефлексивное руководство было заменено на «менеджеральную супервизию», саморегуляция – требованиями регистрироваться в установленных государством структурах (Wilson et al. 2011).

Пока преследовались цели повышения эффективности и результативности социальных служб, другие ключевые задачи ушли из фокуса внимания. В 2009 г. в Англии во время громкого дела о смерти ребенка было подсчитано, что 80 % времени социальные работники проводили за компьютером (Wilson et al. 2011: 39). Необходимость демонстрировать «производительность» увела специалистов от их первичных функций по поддержке семей и детей. Изменилось отношение к самим клиентам. Картина стала напоминать ситуацию времен до великой депрессии (Hyslop 2011: 413): делению людей на достойных и недостойных, заслуживающих и не заслуживающих помощи; «незаработанная» помощь стала считаться морально и социально разрушающей, начались проявления скрытой и открытой социальной эксклюзии (Hyslop 2011: 417).

В условиях ограниченности ресурсов упор был сделан на риск-ориентированные подходы в ущерб превентивной работе, под удар попали также универсальные социальные услуги. Социальные работники все больше фокусировались на диагностике потребностей, оценке рисков, выявлении формальных и неформальных ресурсов, обсуждении прав и обязанностей пользователей услуг. Айан Фергюсон и Майкл Лавалетт считают стандартизацию (примером которой является оценка рисков) фактором, разрушающим умения социальных работников (цит. по Spolander et al. 2014: 306). Использование инструментов стандартизации ведет к тому, что специалисты должны оправдывать предоставление услуги или оценку риска. Например, от социальных работников системы защиты детства, где оценка рисков является центральной задачей, ожидается, что они будут фокусироваться, скорее, на оправданных, нежели на «правильных», адекватных ситуации решениях.

Неолиберальные веяния затронули и российскую социальную сферу, хотя, возможно, и в менее жестком виде вследствие молодости профессии и недостаточной сформированности ее ценностей. Государство в целом

стремится снять с себя социальную нагрузку и учиться контролировать расходы, что часто происходит в ущерб реципиентам социальной помощи и специалистам. Как явление неолиберализм представляет для социальной работы серьезную опасность, подрывая ее основы: технократизм разрушает творческую деятельность, основанную на отношениях и рефлексии; рыночные установки идут вразрез с эгалитарными гуманистическими ценностями профессии. Есть еще один вызов социальной работе на ценностном уровне – то, что разные ученые называют постмодернизмом.

Постмодернистский дискурс

Сегодня наш опыт зачастую «не определяется больше ни историческими событиями, ни традициями или классовыми отношениями, ни ценностями просвещения, отстаивающими освобождение человека, социальную справедливость и веру в научное знание» (Noble 2004: 290). Жизнь рассматривается как та, в которой «истины», универсальных стандартов и идей не существует в принципе, мир является пространством постоянного движения и изменений без четкого направления, и любое понятие порядка является только локальным и временным.

Постмодернизм является условием, в котором основы социальной работы становятся относительными, как относительными понимаются теперь ее философские основания: социальная справедливость, права человека, равенство, самоопределение, а также рациональность и прогресс. Ставится под сомнение само понятие организационной основы как принципа, что особенно касается приоритетной роли государства в реализации политик и программ, и, в частности, оказывает серьезное влияние на роль государства всеобщего благосостояния. Государственная система социальной поддержки, являясь механизмом перераспределения благ, была инструментом сдерживания наиболее грубых проявлений капитализма. Однако в сложных социально-политических, экономических, культурных условиях, где непредсказуемость, сомнения в гуманистических ценностях, релятивизм, глобализация и вера в рынок стали формировать новый общественный дискурс, этот универсалистский подход оказался больше неспособным справляться со всей комплексностью жизни (Noble 2004: 293). Произошла эрозия ценности и легитимности государства всеобщего благосостояния и социальной работы как одного из его инструментов, что при проводимой неолиберальной политике привело к переформатированию институтов помощи. Так, среди прямых получателей социальных бюджетов в Великобритании сегодня, наравне с прочими, присутствуют коммерческие организации и физические лица – клиенты социальных служб, что еще несколько десятилетий назад было сложно себе вообразить.

Девальвация некоторых ценностей лишает социальную работу ее инструментария – средств анализа для идентификации и решения боль-

ших и малых социальных проблем дискриминации, угнетений и несчастий (Noble 2004: 293). Это, так же как и девальвация государства всеобщего благосостояния, помещает социальную работу в уязвимую позицию, в которой она вынуждена отвечать на социальные проблемы, не имея должных инструментов и поддержки государства.

Влияние условий постмодерна и неолиберальной идеологии на социальную работу требует рефлексии. Ответ исследователей – надо сопротивляться, или, по крайней мере, пересматривать все предыдущие универсалистские основания социальной работы, стремящейся к идеальной упорядоченности общества. Социальная работа нуждается в принятии неопределенности момента и рефлексии, поскольку уклад символической власти, на котором базировалась легитимность социальной работы, был подвергнут сомнению в культурном, политическом и экономическом аспектах. Некоторые авторы предлагают в противовес понятию прогресса обратить внимание на нелинейные нелогичные формы знания, находящиеся на периферии современного дискурса, например, литературу, поэзию, философию (Noble 2004: 296). Нет «правильного» пути или каких-то особых «истин», инкорпорированных в профессиональную практику; постмодернистская социальная работа подразумевает релятивизм и неопределенность. Если социальной работе не удастся ответить на эти вызовы, она просто исчезнет.

Заключение

Социальные работники, по выражению Кейт Уилсон с соавторами (Wilson et al. 2011: 48), являются профессиональной группой, подверженной постоянной неуверенности. Главной задачей XXI в. эти исследователи считают достижение профессиональной уверенности, от которой зависит сохранение профессии. Ее приобретение напрямую связано с тем, удастся ли профессиональной группе сформировать собственную идентичность. Вопрос о профессиональной идентичности, являющийся перманентной темой обсуждений, проходит очередной виток в странах с развитой социальной работой. Российская социальная работа еще очень молодая профессия, однако многие вызовы и факторы, составляющие проблему идентичности, являются схожими с мировыми. Это отсутствие строго оформленных границ профессии, собственного систематизированного теоретического знания, присущая социальной работе внутренняя противоречивость, и общемировые тенденции – постмодернистские и неолиберальные веяния.

Отдельно надо сказать про российский политический контекст. Упомянутый выше вопрос о связи политических ценностей и социальной работы, на наш взгляд, является одним из ключевых и открывает поле для дальнейшего исследования проблем институционализации социальной работы. Кон-

текст обуславливает развитие профессии. Практически любым системным изменениям оказывается противодействие. Примером этого является принятие закона об органах опеки и попечительства, ликвидировавшего систему патронатного воспитания (Федеральный закон 2008), которая была одним из немногих примеров профессиональной социальной работы.

На профессиональном поле нередко играет политический фактор, оказывающий разрушающее, даже развращающее, воздействие. Яркий пример – история с принятием закона о запрете усыновления российских детей гражданами США (Федеральный закон 2012) в ответ на Акт Магнитского (Ответ на закон 2012). Из всех уполномоченных по правам ребенка против закона открыто выступили единицы (Павел Астахов поссорился... 2013). Еще одна иллюстрация – визиты сотрудников органов опеки к активистке протестного движения Евгении Чириковой в период ее активности в 2011 г. под предлогом проверки выполнения материнских обязанностей, а по факту для ее сдерживания (Евгению Чирикову обвиняют... 2011). Это пример двойного нарушения: использование профессионального на службе у политического в совокупности с сознательным эксплуатированием органами опеки своего негативного имиджа.

Профессия слаба и несамостоятельна, по-прежнему сохраняется ситуация, подмеченная Шэрон Темплеман. Статус социальных работников – самоназывательный: как они себя определяют – тем они и являются (Templeman 2004). Факт недавнего принятия профессиональных стандартов, с одной стороны, является шагом в сторону профессионализации социальной работы. С другой стороны, неясно, какие критерии положены в основу выбора наименования квалификаций, и это никак не помогает решить задачу создания цельного образа профессии. Данная статья – попытка обозначить некоторые вопросы, на которые надо искать ответы – и в первую очередь самим социальным работникам, т.к. формирование идентичности своей профессии является прежде всего их ответственностью.

Список источников

Евгению Чирикову обвиняют в жестоком обращении с детьми (2011) *Новая газета*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9akJg> (дата обращения: 30 августа 2015).

Ответ на закон о «списке Магнитского» назовут именем Димы Яковлева (2012) *Российская газета*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9akJv> (дата обращения: 30 августа 2015).

Павел Астахов поссорился со Светланой Агапитовой из-за 33 петербургских «невыездных» сирот (2013) *812' Online*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9akJx> (дата обращения: 30 августа 2015).

Романов П., Ярская-Смирнова Е. (2011) Идеологии профессионализма и социальное государство. П. Романов, Е. Ярская-Смирнова (ред.) *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен*, М.: Вариант: ЦСПГИ: 64–81.

- Федеральный закон (2008) «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ. Доступно по ссылке: <http://rg.ru/2008/04/30/opeka-dok.html> (дата обращения: 30 августа 2015г.)
- Федеральный закон (2012) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ. Доступно по ссылке: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36642> (дата обращения: 30 августа 2015).
- Ярская-Смирнова Е. (ред.) (2014) *Профессиональная культура: опыт социологической рефлексии*, М.: Вариант.
- Barnes D., Hugman R. (2002) The portrait of social work. *Journal of Interprofessional Care*, 16 (3): 277–289.
- Bisman C., Hardcastle D. (1998) *Integrating research into practice: a model for effective social work*, Belmont: International Thomson Publishing Company.
- Flexner A. (2001) Is Social Work a Profession? *Research on Social Work Practice*, 11 (2): 152–165.
- Global Definition of Social Work* (2014) Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9akJt> (дата обращения: 30 августа 2015).
- Hare I. (2004) Defining Social Work for 21st Century. *International Social Work*, 47 (3): 407–424.
- Horne M. (1999) *Values in Social Work*, Aldershot: Ashgate.
- Huegler N., Lyons K., Pawar M. (2012) Setting the Scene. K. Lyons, T. Hokenstad, M. Pawar, N. Huegler, N. Hall (eds.) *The SAGE Handbook of International Social Work*, London: SAGE: 1–33.
- Hyslop I. (2011) Social work as a Practice of Freedom. *Journal of Social Work*, 12 (4): 404–422.
- Noble C. (2004) Postmodern Thinking: Where is it Taking Social Work? *Journal of Social Work*, 4 (3): 289–304.
- Orme J., Glastonbury B. (1993) *Care management: tasks and workloads*, London: Palgrave Macmillan.
- Payne M. (2012) Political and Organisational Context of Social Work Internationally. K. Lyons, T. Hokenstad, M. Pawar, N. Huegler, N. Hall (eds.) *The SAGE Handbook of International Social Work*, London: SAGE: 121–136.
- Payne M. (1998) Why Social Work? Comparative Perspective on Social Issue and Response Formation. *International Social Work*, 41 (4): 443–453.
- Payne M. (1997) *Modern Social Work Theory*, Suffolk: Palgrave.
- Pusic E. (1973) Differentiation of Social Services During Rapid Social Change. *International Social Work*, (1): 4–12.
- Spolander G., Engelbrecht L., Martin L., Strydom M., Pervova I., Marjanen P., Tani P., Sicora A., Adaikalam F. (2014) The Implications of Neoliberalism for Social Work: Reflections from a Six-Country International Research Collaboration. *International Social Work*, 57 (4): 301–312.
- Templeman S. (2004) Social Work in the New Russia at the Start of the Millennium. *International Social Work*, 47 (1): 95–107.
- Wilson K., Ruch G., Lymbery M., Cooper A. (eds.) (2011) *Social Work: an Introduction to Contemporary Practice*, Harlow: Longman.
- Windelband W. (1998) History and natural science. *Theory & Psychology*, 8 (1): 5–22.

Olga Shalkovskaya

THE ISSUE OF PROFESSIONAL IDENTITY IN SOCIAL WORK AS A KEY CHALLENGE TO THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL WORK

This article reviews the challenges faced by social work as a profession and as a discipline. The choice of challenges considered was determined by the level of their significance in the further survival and development of the profession. The main focus of the article is on the crisis of confidence in social work and considers the central question of what are the most influential factors that forming the identity of the profession. Conditionally these factors are divided into two groups that are interrelated. The first group is made up of factors that are inherent to social work and raise questions as to what kind of practice and theory social work is; what its specific objects and domains are; and what makes it unique and distinguishable from another disciplines and professions. Among these factors are ambiguity in the spheres of professional expertise and theoretical knowledge, as well as internal inconsistency in the concept of social work, which weakens the ability of the profession to form itself from within. The second group of factors relate to social work as social construction, conditioned by both the political and economic forces and the social expectations created within a society. The emergence of postmodern tendencies in conjunction with neo-liberal policies have led to a disruption in the values and legitimacy of the welfare state and its instrument, social work. These tendencies have undermined the foundation of professional practice and theory, which are based on humanitarian and egalitarian ideals, and have raised doubts about the role of social work in a modern society. As for the case of Russia, one of the most significant factors in the institutionalisation of social work lies in the sphere of political values that act as guidelines in the development of profession. The blending of these factors produces the central challenge facing social work nowadays: whether the profession can establish a greater degree of self-confidence in a period of rapid change and uncertainty.

Key words: social work, identity, knowledge, neoliberalism, postmodernism, political values

References

Barnes D., Hugman R. (2002) The Portrait of Social Work. *Journal of Interprofessional Care*, 16 (3): 277–289.

Olga Shalkovskaya – MSci, social worker, Resource Centre for Family Placement, The Pro-mama Centre, Moscow, Russia. Email: magistressa@mail.ru

- Bisman C., Hardcastle D. (1998) *Integrating Research into Practice: a Model for Effective Social Work*, Belmont: International Thomson Publishing Company.
- Evgeniyu Chirikovu obvinyayut v zhestokom obrashchenii s det'mi [Evgeniya Chirikova is Accused of Child Abuse] (2011) *Novaya gazeta* [New Gazette]. Available at: <https://clck.ru/9akJr> (accessed 30 August 2015).
- Flexner A. (2001) Is Social Work a Profession? *Research on Social Work Practice*, 11 (2): 152–165.
- Global Definition of Social Work* (2014) Available at <https://clck.ru/9akJt> (accessed: 30 August 2015).
- Hare I. (2004) Defining Social Work for 21st Century. *International Social Work*, 47 (3): 407–424.
- Horne M. (1999) *Values in Social Work*, Aldershot: Ashgate.
- Huegler N., Lyons K., Pawar M. (2012) Setting the Scene. in K. Lyons, T. Hokenstad, M. Pawar, N. Huegler, N. Hall (eds.) *The SAGE Handbook of International Social Work*, London: SAGE: 1–33.
- Hyslop I. (2011) Social Work as a Practice of Freedom. *Journal of Social Work*, 12 (4): 404–422.
- Iarskaya-Smirnova E. (ed.) (2014) *Professional'naya kultura: opyt sotsiologicheskoy refleksii* [Professional Culture: the Experience of Sociological Reflection], Moscow: Variant.
- Noble C. (2004) Postmodern Thinking: Where is it Taking Social Work? *Journal of Social Work*, 4 (3): 289–304.
- Orme J., Glastonbury B. (1993) *Care Management: Tasks and Workloads*, London: Palgrave Macmillan.
- Otvet na zakon o 'spiske Magnitskogo' nazovut imenem Dimy Yakovleva [The Answer to the Law on 'Magnitsky's List' Takes the Name of Dima Yakovlev] (2012) *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: <https://clck.ru/9akJv> (accessed 30 August 2015).
- Pavel Astakhov possorilsya so Svetlanoy Agapitovoy iz-za 33 peterburgskikh 'nevyezdnykh' sirot [Pavel Astakhov Quarreled with Svetlana Agapitova because of Thirty Three Petersburg Orphans 'not Eligible to Travel Abroad'] (2013) *812' Online*. Available at: <https://clck.ru/9akJx> (accessed 30 August 2015).
- Payne M. (2012) Political and Organizational Context of Social Work Internationally. K. Lyons, T. Hokenstad, M. Pawar, N. Huegler, N. Hall (eds.) *The SAGE Handbook of International Social Work*, London: SAGE: 121–136.
- Payne M. (1998) Why Social Work? Comparative Perspective on Social Issue and Response Formation. *International Social Work*, 41 (4): 443–453.
- Payne M. (1997) *Modern Social Work Theory*, Suffolk: Palgrave.
- Pusic E. (1973) Differentiation of Social Services During Rapid Social Change. *International Social Work*, (1): 4–12.

Romanov P., Iarskaya-Smirnova E. (2011) Ideologiya professionalizma i sotsial'noe gosudarstvo [The Ideology of Professionalism and the Welfare State]. P. Romanov, E. Iarskaya-Smirnova (eds.) *Antropologiya professiy ili postoronnim vkhod zapreshchen* [Anthropology of Professions, or Personnel Only], Moscow: Variant: 64–81.

Spolander G., Engelbrecht L., Martin L., Strydom M., Pervova I., Marjanen P., Tani P., Sicora A., Adaikalam F. (2014) The Implications of Neoliberalism for Social Work: Reflections from a Six-Country International Research Collaboration. *International Social Work*, 57 (4): 301–312.

The Federal Law (2008) 'Ob opeke i popechitel'stve' ot 24 aprelya 2008 goda No 48-FZ [On Guardianship]. Available at: <http://rg.ru/2008/04/30/opeka-dok.html> (accessed 30 August 2015).

The Federal Law (2012) 'O merakh vozdeystviya na lits, prichastnykh k narusheniyam osnovopolagayushchikh prav i svobod cheloveka, prav i svobod grazhdan Rossiyskoy Federatsii' ot 28.12.2012 g. No 272-FZ ' [Regarding Measures against Persons Involved in Violations of Fundamental Human Rights and Freedoms, the Rights and Freedoms of Russian Citizens]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36642> (accessed 30 August 2015).

Templeman S. (2004) Social Work in the New Russia at the Start of the Millennium. *International Social Work*, 47 (1): 95–107.

Wilson K., Ruch G., Lymbery M., Cooper A. (eds.) (2011) *Social Work: an Introduction to Contemporary Practice*, Harlow: Longman.

Windelband W. (1998) History and natural science. *Theory & Psychology*, 8 (1): 5–22.